

На следующий день рано поутру старик Хэ послал за Тан Юй и Тан Фаном.

Переговоры проходили в среднем зале главного двора поместья Хэ.

Господин и госпожа Хэ сидели во главе стола, а Тан Фан, Тан Юй и Хэ Линь по бокам от них.

Брат и сестра Тан сидели по одну сторону, а Хэ Линь – по другую.

Как воды Цзинхэ и Вэйхэ*.

Выражения у всех были не самые приветливые.

Хэ Линь был мрачен. Со следами похмелья на лице. На Тан Юй, хоть и сидел напротив нее, он даже не взглянул.

Тан Юй была спокойна и будто вовсе не замечала присутствия Хэ Линя. Ее голова была слегка опущена, а взгляд устремлен на сложенные внизу живота руки.

После произошедшего в семье Вэй и беспорядка, учиненного Хэ Линем у входа в засаженный бамбуком двор, настроение у Хэ Ина и госпожи Сюй было достаточно скверным.

Инцидент в семье Вэй не сыграл особой роли, ведь те были лишь сватами Хэ и не принадлежали их семье.

А вот сын Хэ Линь стал настоящей головной болью для Хэ Ина.

Хоть у родителей и был любимец среди трех сыновей, им было стыдно слишком выделять его и относиться к остальным несправедливо. Хэ Линь не преуспел. Он неоднократно проваливал экзамены и не достиг ничего в жизни, лишь обвинял всех вокруг и жаловался, что его родители нашли ему такую бесполезную жену. Он не раз заявлял при посторонних, что, если бы его жена была из семьи чиновника, как у старшего брата Хэ И, или дочерью богача, как у младшего Хэ Сюаня, она бы, по крайней мере, могла бы ему как-то помочь.

В то время как Хэ Ин ясно помнил, что, когда госпожа Вэй вошла в семью Хэ, Хэ Линь говорил, что ее статус, как дочери торговца, недостойн уважения. А вот Тан Юй была из приличной семьи, так что полностью его устраивала.

Но времена меняются. То, что раньше было достоинством, теперь внезапно стало недостатком.

Другими словами, все это было лишь результатом его собственной неудачи, однако Хэ Линь отказывался признавать это и искал причину в других.

А после произошедшего прошлой ночью Хэ Ин окончательно разочаровался в своем сыне.

— Дядя, – начал Тан Фан, – я помню, что, когда моя сестра вошла в дом Хэ, наши с ней родители уже скончались. Мы с сестрой думали, что она не сможет стать частью семьи Хэ, а помолвка будет расторгнута. Однако Вы пошли наперекор общественному мнению и настояли

на том, что обещание следует сдержать. Этот племянник до сих пор искренне восхищен Вами.

— Поскольку помолвка была устроена, – покачал головой Хэ Ин, – брак должен был быть заключен. Человек обязан держать свое слово. Семья Хэ лишь выполнила свой долг. Этот старик не заслуживает подобных слов.

— Вы действительно заслуживаете этого! – равнодушно бросил Тан Фан. – Вы же знаете, люди быстро охлаждаются друг к другу, в один день – теплые отношения, а в другой – уже прохладные. Так устроен мир. В наше время все стремятся туда, где погорячее. Сколько из них сдерживают обещания? Мы с сестрой очень благодарны дяде за Ваш поступок, однако этот племянник кое-чего не понимает. Я хотел бы спросить совета дяди и тетушки.

Хэ Ин догадывался, что тот хочет сказать, но был вынужден ответить:

— Пожалуйста, спрашивай, племянник.

— Осмелюсь спросить дядю и тетушку, выйдя замуж за члена семьи Хэ, моя сестра хоть раз нарушила женскую добродетель?

Хэ Ин окончательно убедился в том, к чему тот клонит, но все-таки ответил:

— Нет.

— За эти десять лет мой зять неоднократно терпел неудачи и насмешки, был подавлен, ловил на себе косые взгляды. Моя сестра не только не презирала его, но относилась к нему по-прежнему нежно и внимательно. Так?

Тан Фан даже не взглянул на Хэ Линя. Но и тот, протрезвев, не мог, не моргнув глазом, ответить «нет».

— Так, – вздохнул Хэ Ин. – Старшая невестка последовала за своим мужем и покинула нас, а третья невестка вошла в дом намного позже. За эти годы вторая невестка была добродетельна и почтительна, заботилась о старших и родила Цилана. Она много сделала для семьи Хэ.

— Благодарю за справедливые слова, дядя, – кивнул Тан Фан. – Они означают, что обиды, которые моя сестра перенесла за эти годы, не были заслуженными. Вчера вечером мой зять сказал, что хочет бросить мою сестру. Что вы думаете по этому поводу, дядя?

— Мой глупый сын сказал это по пьяни, – не задумываясь ответил Хэ Ин. – Как можно воспринимать всерьез его слова?

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, – покачал головой Тан Фан. – В Великой Мин можно бросить жену только в том случае, если та повинна в одном из семи преступлений: неповиновение родителям мужа, бездетность, прелюбодеяние, ревность, неизлечимая болезнь, болтливость или воровство. Осмелюсь спросить зятя, какое преступление совершила моя сестра?

Глаза Хэ Линя покраснели. Но не заблуждайтесь: не от слез. Из-за похмелья.

Похоже, он ничуть не стыдился своих ночных слов и поступков, даже будучи трезвым. Хэ Линь усмехнулся:

— Твоя сестра уже много лет в семье Хэ. И сколько раз за это время ты навещал ее? Теперь, заручившись поддержкой Императорской Стражи, пришел продемонстрировать свою мощь? Даже так, это наши с ней дела, не твои! Какая же ты тварь!

— Мой брат не тварь, он человек! Единственный, кто тут тварь, это ты! – услышав ругательства Хэ Линя, Тан Юй была больше не в силах держать себя в руках. Не успел Тан Фан и рта раскрыть, как она тотчас перебила его.

Обычно она была нежной и кроткой. Никогда не краснела от гнева и молча терпела, даже когда муж был с ней холоден. Члены семьи Хэ ни разу не видели ее в ярости. Все, включая Хэ Линя, были ошеломлены.

Теперь Тан Фан наконец узнал в ней прежнюю сестру.

До того, как выйти замуж, старшая барышня семьи Тан была живой. Быть женой не то же самое, что быть дочерью, так что, войдя в семью Хэ, она скрывала свои острые углы. До сегодняшнего дня. Не выдержав, она показала себя настоящую.

Тан Фан понимал, что, если б не появился здесь, Тан Юй пришлось бы еще неизвестно сколько терпеть подобное.

От одной мысли об этом сердце переполнило чувство вины.

Лицо Тан Юй было холодным. После того как она сбросила маску, которую ей регулярно приходилось носить, члены семьи Хэ глядели на нее, как на незнакомку.

— Семья Тан была строга и придерживалась традиций. Дочерей с самого детства воспитывали по «Четырем книгам для женщин». Я не совершенна, но сохранила в своем сердце все наставления. С утра до вечера в доме Хэ я служила отцу, матушке, мужу и родила ребенка. Ни на день не смела расслабиться. Хоть второй Хэ и не сдал провинциальный экзамен, я никогда не считала его бесполезным, потому что, по моему мнению, порядочность человека зависит не от того, насколько высока его должность, а от поступков и помыслов. Я с самого первого дня замужества не ждала, что он принесет мне славу. Я просто хотела прожить с ним душа в душу.

— Лжешь! Ты никогда так не считала! Ты ненавидишь меня за то, что я бесполезен и порчу твою репутацию! Ты завидуешь третьей невестке, потому что я не смог сделать тебя женой ученого, сдавшего провинциальный экзамен! – взревел Хэ Линь.

— Женой ученого, сдавшего провинциальный экзамен? – усмехнулась Тан Юй. – Я сестра ученого, сдавшего императорский!

Тан Фан не смог сдержать улыбку, но тотчас снова сделал серьезное лицо.

Боевой напор Тан Юй впечатлил не только его, но и семью Хэ.

«Отец, матушка, вы сами видели. Я сделала все, что могла, но второй Хэ до сих пор превратно

истолковывает мои намерения. Продолжает повторять, что я ненавижу его, и игнорирует. Где мне искать справедливости?

Когда я вышла замуж, из-за смерти родителей у меня не было поддержки, но Жунцин заботился обо мне и отдал почти все семейное имущество в приданое. Все эти годы семья Хэ выделяла нам тридцать таэлей серебра в месяц и четыре комплекта одежды в год на каждого. Сначала этого было достаточно, но второму Хэ нужно навещать друзей, приглашать их на ужин и покупать материалы для подготовки к экзаменам. Порой тридцати таэлей нам хватало лишь на полмесяца.

Первое время у меня получалось экономить. Но, как и любая чиновничья семья, Хэ устраивает приемы. Как невестка семьи Хэ, я не могу показываться в одном платье несколько раз, чтобы не запятнать репутацию семьи Хэ. А это лишние расходы. Кроме того, нужно покупать книги, бумагу, чернила и кисти для Цилана. По правде говоря, тридцати таэлей, что дает семья Хэ, было недостаточно, так что мне приходилось брать из своего приданого».

— Мы даем столько же семьям старшего и младшего сыновей, – недовольно высказалась госпожа Сюй. – И те никогда не жаловались!

— Все знают, – рассмеялась Тан Юй, – что Чжэцзян – процветающая провинция. Старший брат – магистрат Цзяпина, тридцать таэлей для него – пустяк. Отец, Вы были высокопоставленным чиновником и знаете, что я говорю правду. Что касается младшего брата и сестры, опустим тот факт, что она дочь одного из самых богатых торговцев округа. Учитывая то, как родители любят третьего брата, полагаю, вы даете ему больше карманных денег, чтобы порадовать, – она заметила негодующее выражение лица госпожи Сюй, однако продолжила говорить: – Матушка, я не жалуюсь, лишь констатирую факт. На протяжении многих лет я тратила приданое, чтобы помочь второму Хэ. У меня нет претензий, поскольку муж и жена – одно целое, так и должно быть. Но я не позволю игнорировать мой вклад и неблагодарно выбрасывать меня, как какую-то старую обувь. Отец, матушка, скажите мне, разумны ли мои слова?

Тан Фан не мог не похвалить свою сестру.

У остальных выражения были совершенно иными. Хэ Ин с госпожой Сюй пытались сохранить лицо. Им было неловко после того, как Тан Юй их разоблачила, однако Хэ Линь думал о другом.

— Столько всего наговорила, лишь бы оправдать себя, – ухмыльнулся он. – Если была не против делать все это, не составила б такой подробный список претензий!

Тан Юй была полностью разочарована в нем, так что безжалостно усмехнулась в ответ:

— Что с того? Ты даже провинциальный экзамен сдать не можешь! Целыми днями сходишь с ума в своей комнате, хлопаешь дверью и кричишь, что никто в семье Хэ тебя не любит! Коль такой амбициозный, сам зарабатывай на жизнь! Почему продолжаешь принимать эти несчастные тридцать таэлей от родителей?

— Ты! Ах ты нахалка! – Хэ Линь побелел от гнева, не в силах вымолвить ни слова.

Тан Юй не обратила на него внимания и продолжила, обращаясь к Хэ Ину и госпоже Сюй:

— Сначала я думала подождать, пока Цилан вырастет и мне больше не придется оправдывать ожидания отца и матушки. Тогда мне не нужно будет ждать, пока меня бросят, я сама попрошу развод. Но отец, матушка, вы сами видели, как его отец безжалостен к собственному сыну. Он избил его без причины. Если бы Жунцин не подоспел вовремя, что бы было с Циланом? Отец, матушка, вы были там вчера. Пожалуйста, восстановите справедливость для своей невестки и Цилана!

— Ган Юй действительно переступил черту, – слегка откашлялся Хэ Ин. – Вчера я уже сурово отругал его...

— Боюсь, «переступил черту» – это мягко сказано, – равнодушно бросила Тан Юй. – Лучше бы он ударил меня. Если бы из-за его избиений с Циланом что-то случилось, я бы не смогла больше жить. Я повесилась бы прямо здесь, чтобы весь мир видел, насколько бессердечен второй Хэ.

У Хэ Линя, конечно же, и на это нашлось оправдание:

— Все подозревали Цилана, а он молчал, как рыба. Если бы я не побил его, как снял бы подозрения? Как иначе я мог сохранить доброе имя семьи Хэ?

— Доброе имя семьи Хэ зависит от избиения ребенка? – парировала Тан Юй. – Ты не посторонний человек, а отец Цилана. Ты как никто другой должен был знать его! Почему Жунцину не пришлось ничего спрашивать у Цилана, чтобы узнать правду?

— Другими словами, – стыд Хэ Линя перерос в ярость, – ты просто бесишься, что я не такой способный, как твой брат!

Тан Фан: «...»

Он наконец понял, почему его сестра разочаровалась в своем муже.

Хэ Линь упорствовал на своем до безумства. С тех пор как он потерял надежду сдать императорский экзамен, мысли об неудаче не покидали его ни на миг и буквально стали его навязчивой идеей. Из-за низкой самооценки он стал более чувствительным, а из-за чувствительности – раздражительным. Что бы люди ни говорили, для него все всегда сводилось к одному.

Тан Юй имела доброе, золотое сердце, так что все эти годы, вероятно, постоянно утешала его и пыталась общаться. Но если бы оставалась хоть какая-то надежда, она бы сейчас не вела себя так и не пыталась сделать все возможное, чтобы забрать Цилана из дома Хэ.

Хэ Линь давно целиком и полностью замкнулся в себе. Вытащить его из его маленького мирка не представлялось возможным.

Хэ Ин считал, что такой сын – позор для него. Прежде чем Тан Юй с Тан Фаном смогли что-то ответить, он с силой хлопнул по подлокотнику:

— Заткнись! – а затем повернулся к брату и сестре Тан: – Вторая невестка, к чему ты клонишь? Если есть какая-то просьба, говори. Если отец с матушкой будут в силах помочь, мы все сделаем.

Он понимал, что Тан Юй наговорила так много всего таким серьезным тоном не для того, чтобы просто пожаловаться.

Хэ Ин и раньше слышал о том, что их паре не хватает денег.

Однако считал, что трое его сыновей равны и он не должен никого выделять. Даже если кто-то из них жил плохо, а кто-то и без того был богат – они должны были полагаться в первую очередь на себя.

Кроме того, дела внутренних дворов находились в руках госпожи Сюй. Будучи ее мужем, он не желал унижать ее своим вмешательством. В любом случае, все трое сыновей были рождены от нее, так что она не стала бы обижать кого-то из них.

Потому он никогда не спрашивал ее об этом.

Тан Юй тоже понимала все это и прежде не жаловалась. Но теперь, когда она уже приняла решение и они сели за стол переговоров, ей необходимо было привести все доводы, чтобы никто не решил, что она поднимает шум из-за ничего.

Услышав вопрос Хэ Ина, она перевела взгляд на Тан Фана.

Они заранее договорились, что тот выступит и все решит.

— Зять сказал, что собирается бросить мою сестру, – начал Тан Фан. – Но моя сестра не только не совершила ни одного из семи преступлений, но еще и подходит под пункт «не имеющей родного дома» из «трех запретов бросить жену». Так что по закону мой зять не может бросить ее. Учитывая, как обстоят дела, даже если у них получится остаться вместе, хорошей жизни им не видать. Поскольку зять считает, что моей сестре не хватает добродетели, моя сестра готова отказаться от статуса жены, чтобы он мог жениться на другой, более добродетельной женщине.

Старик Хэ был достаточно умен, чтобы понять, о чем тот:

— Вы хотите развода по обоюдному согласию?

— Да, развода, – кивнул Тан Фан, – а также забрать Цилана.

Господин Хэ изменился в лице.

Учитывая произошедшее, они уже ожидали, что брат и сестра Тан предложат развод.

Однако по поводу того, с кем останется Цилан, у них имелись возражения.

— Это невозможно, – не задумываясь ответил Хэ Ин. – Цилан – потомок семьи Хэ, так что должен остаться в семье Хэ. Ни одна женщина не может забрать с собой ребенка при разводе!

Видя, что брат и сестра Тан даже в лицах не изменились, он смягчил тон, стараясь убедить их:

— Жунцин, никто из нас не хотел, чтобы так вышло. К счастью, еще не поздно все исправить. Независимо от того, сможет ли женщина после развода снова выйти замуж или нет, она будет страдать от насмешек и косых взглядов на протяжении оставшейся жизни. Уверен, ты не желаешь ей этого. Более того, вторая невестка не хочет оставлять Цилана. Не вмешивайся в это дело и дай паре договориться между собой. Зачем ты подговариваешь свою сестру развестись с мужем?

— Дядя, - вздохнул Тан Фан, - я очень уважаю Вас, но коли уж так сложилось, зачем Вы беспокоитесь об этом? Неважно, разведена моя сестра или нет, она всегда останется моей сестрой. Если не сможет выйти замуж, я буду заботиться о ней всю оставшуюся жизнь. По поводу Цилана мы заговорили не потому, что пытаемся доставить вам неприятности. Только подумайте: его избили, когда моя сестра была рядом. Что было бы, не окажись ее там? Дядя и тетушка любят внука, но не можете же вы целыми днями следить за ним. Детям лучше расти подле матери. Мы не станем просить Цилана сменить фамилию. Он останется потомком Хэ, просто жить станет с матерью.

Однако если поползут слухи, разве семья Хэ сможет сохранить лицо?

Хэ Ин покачал головой, даже думать не желая об этом.

Видя решительный настрой брата и сестры Тан, он на мгновение задумался, а затем решил пойти на уступки:

— Давайте остановимся на разводе. Однако Цилан должен остаться в доме Хэ.

Стоило ему закончить говорить, как встрял Хэ Линь:

— Я против развода!

Он резко подскочил и, крикнув: «Я брошу тебя, даже не думай о мирном разводе!», - ушел, не обращая ни на кого внимания.

Старик Хэ несколько раз прокричал: «Стой!», - ему в спину, но Хэ Линь даже не обернулся.

Он, хоть и ходил вечно угрюмый, родителей обычно слушался. Его нынешнее поведение заставило старика Хэ поморщиться от гнева.

Подобный срыв переговоров был предсказуем.

Тан Фан и не ожидал, что семья Хэ немедленно согласится на его условия.

По их мнению, в разводе не было ничего плохого. В конце концов, невестка была чужим человеком, тогда как внук принадлежал семье Хэ. У них было много внуков, но, как и сказал старик Хэ, если они позволят Тан Юй забрать Хэ Чэна, окружающие решат, что семья Хэ даже внука отстоять не в состоянии.

Таков был мир, они не могли изменить его правил.

Лучше всего было выдвинуть условия, которые вторая сторона не смогла бы принять, а затем постепенно повышать ставки.

Таким образом, вероятность достижения цели была наиболее высокой.

Конечной целью Тан Фана и Тан Юй был не развод, а раздел имущества и раздельное проживание.

Можно было развестись по обоюдному согласию или бросить жену, но существовал еще и третий путь. В те времена развестись было не так-то просто. На самом деле, если семья жены была достаточно влиятельной, муж не мог бросить свою жену. Взять к примеру случай Хэ Линя. Если бы Тан Фана не было, он бы все равно не смог бросить Тан Юй. Теперь же, когда Тан Фан был тут, он даже думать о подобном не смел. А если бы и подумал, старик Хэ не допустил бы этого.

Так что слова, брошенные им в зале, были не чем иным, как пустой вспышкой гнева. Каким бы невежественным Хэ Линь ни был, он прекрасно знал, что, поскольку Тан Юй теперь пользовалась поддержкой брата, семья Хэ никак не могла ее запугать.

По поводу развода по обоюдному согласию, все было так, как и сказал господин Хэ: этот мир несправедлив к женщинам. Так что после развода их ждут осуждение, презрительные взгляды, а то и еще что похуже.

Поэтому наилучшим вариантом было разделение имущества и раздельное проживание

Другими словами, муж и жена жили порознь, но официального развода не происходило, а окружающим можно было сказать, что женщина слаба здоровьем и вернулась в родную семью, чтобы восстановить силы, или что-то в этом роде. Обе стороны выигрывали, мужчина сохранял лицо, да и хлопот было поменьше.

В больших семьях, если в отношениях пары не было гармонии, а женщина пользовалась поддержкой родной семьи и не желала мириться с происходящим, этот способ частенько практиковался. Тан Фан не раз сталкивался с подобным в столице, однако округ Сянхэ был достаточно мал, чтобы здесь не слышали о таком методе.

Для женщины это означало, что брак не был разорван, а значит, Тан Юй не могла снова выйти замуж. Это было недостатком.

Но Тан Фан обсудил с ней этот вопрос заранее, и та сказала, что не желает больше вступать в брак. Она хочет воспитывать Хэ Чэна и жить собственной спокойной жизнью.

А коли так, раздел имущества и раздельное проживание стал лучшим вариантом из всех имеющихся.

Тан Фан не предложил раздельное проживание сразу, потому что боялся, что Хэ не согласится на него. Теперь же, когда он заговорил о разводе, нужно было лишь дождаться момента, когда

те осознают реальность, а затем подбросить им эту идею – так все с большей вероятностью пройдет гладко.

Конечно же при условии, что Хэ Линь согласится и не станет им мешать.

Покинув старика Хэ, Тан Юй все еще выглядела сильно подавленной. В конце концов, муж и жена – это одно целое, никто не хотел, чтобы дело дошло до подобного. Если бы не невыносимость происходящего, Тан Юй не стала бы поступать так.

На самом деле, Тан Юй столь изменилась за одну ночь лишь благодаря тому, что Тан Фан был рядом.

Но тот не мог вечно оставаться в округе Сяньхэ. Как только он уедет, Тан Юй снова лишится поддержки и ее одиночество в доме Хэ станет еще невыносимее.

Она прекрасно понимала все это, так что вела себя достаточно жестко и использовала представившуюся возможность, чтобы покончить со всем и избавить себя от страданий.

— Я лишь надеюсь, – вздохнула Тан Юй, – что Цилан не станет винить меня, когда вырастет!

— Он такой благоразумный и хороший ребенок. Все, что ты сделала, было ради него. Конечно же он поймет.

Тан Юй рассеянно кивнула.

— Моя дорогая сестра, – утешал ее Тан Фан, – не расстраивайся. Если Цилан увидит тебя в таком состоянии, решит, что что-то случилось. У этого ребенка тонкий и пытливый ум. В будущем ему предстоит хорошенько отточить его!

— Я виновата перед ним, – кивнула Тан Юй. – Должно быть, ему было очень тяжело каждый день видеть отца в таком состоянии.

— Ты снова взваливаешь всю ответственность на себя! Коли так, то думаю, вина нашего отца в этом еще больше. Зачем вообще он пообещал тебя такому человеку, как второй Хэ?

— Не говори так! – сердито ответила Тан Юй. – Как ты можешь винить отца? Он не мог предвидеть всего этого!

— Вот именно, – расплылся в улыбке Тан Фан. – Наши родители на том свете не хотят видеть тебя такой несчастной. Если бы знали обо всем этом, то разозлились бы еще сильнее тебя. Ладно-ладно! Поскольку Цилан ранен и не может посещать уроки клана, завтра я возьму вас двоих погулять по рынку!

Стоило брату и сестре вернуться в засаженный бамбуком дворик, как Тан Юй поспешила проведать Хэ Чэна.

Тан Фан собирался было послать Янь Ли разузнать о том, как продвигается дело Вэй, но

внезапно к нему зашел Цянь Сан-эр.

Выражение лица у него было крайне загадочным:

— Господин, угадайте, что я узнал!

— Что? – перевел на него взгляд Тан Фан.

— Ну угадайте, – ухмыльнулся Цянь Сан-эр.

— Нет, – улыбнулся в ответ Тан Фан. – Но, если ты мне не скажешь, я велю Янь Ли задушить тебя до смерти.

— Ладно-ладно, – капитулировал Цянь Сан-эр, – скажу я, скажу. Я слышал, что в доме Вэй живет призрак!

Тан Фан остановился, заинтригованный.

Заметив это, Цянь Сан-эр ощутил гордость:

— Не догадываетесь? Есть несколько версий! По одной из них, до того, как Вэй Цэ отделился от семьи Вэй, у него была невеста, подруга детства. Однако ради богатства он женился на своей первой жене, госпоже Чжан, и бросил свою невесту. От обиды и гнева та покончила с собой, утопившись, а перед смертью прокляла его: «В этой жизни ты предал меня ради денег, так что в следующей я лишу тебя потомков!»

Произнося эти слова последней воли, он захрипел и продолжил все тем же заунывным голосом:

— После чего клочок ее души превратился в свирепого призрака, затаившегося в доме Вэй и наблюдавшего за ними все эти годы. В семье Вэй рождались лишь девочки – это дело рук того призрака. А стоило родиться мальчику, как он тотчас умер!

— ... Думаю, ты очень талантлив.

— Конечно! – торжествовал Цянь Сан-эр. – Ведь я не абы кто, а компаньон самого умного в Поднебесной человека – господина Тана!

У Тан Фана не было сил журить того за вопиющее хвастовство:

— Слышал, в ресторане «Биюнтянь» не хватает оперных певцов. Хочешь, попробовать? Я тебя порекомендую.

— И думать об этом забудьте! Вы точно не бросите меня. Второго такого верного и способного компаньона, как я, еще поискать надо!

Тан Фан не сдержался и пнул его.

— Довольно! Давай ближе к делу! – с напускной суровостью бросил он.

— По второй версии, нынешняя собственность семьи Вэй была отнята Вэй Цэ у кого-то

бесчестным путем, после чего он обосновался в округе Сяньхэ, чтобы начать новую жизнь. Тот, кого он убил, превратился в свирепого призрака и пришел отомстить, желая прервать род Вэй Цэ, чтобы он горько пожалел о содеянном. Вот почему Вэй умирают один за другим.

— ... Почему они все свирепые призраки? Может, что-нибудь новое придумаешь?

— Это можно! А новость в то-о-ом, – протянул он, но, видя, что Тан Фан не проявляет признаков нетерпения, продолжил: – Убийца барышни Вэй Чжу найден.

— Это Чай Цзе (двоюродный брат нынешней жены Вэй Цэ)? – поднял бровь Тан Фан.

— А? – расстроился Цянь Сан-эр. – Вы уже знали? Тогда зачем заставили меня рассказать?!

— Это была лишь догадка, – покачал головой Тан Фан. – Из всех троих: Чай Цзе, Ван Да и Бао И, – Чай Цзе был самым подозрительным.

— Почему? – с любопытством спросил Цянь Сан-эр, позабыв о своем изначальном намерении похвастаться новостями. – Вэй Цэ ясно дал понять, что Ван Да затаил на него обиду. Чай Цзе хорошо с ним ладил!

— Не забывай, – ответил Тан Фан, – как я уже говорил, лишь человек, хорошо знакомый с семьей Вэй, мог в короткие сроки найти барышню Вэй Чжу, убить ее и скрыться. Лишь Чай Цзе подходит по всем параметрам.

— Верно! – хлопнул себя по лбу Цянь Сан-эр. – Я чуть не забыл! Магистрат Вэн тоже поднял этот вопрос, поскольку Чай Цзе не мог сделать этого в одиночку. Говорят, его двоюродная сестра, жена Вэй Цэ, велела разогреть горшок с супом. После того как его подали на стол, Чай Цзе сговорился с Бао И, сказав, что его двоюродный брат ненавидит Ван Да и хочет поставить того в неловкую ситуацию на публике, и составил план, согласно которому Бао И должен был опрокинуть горшок с супом со стола. Он пообещал Бао И крупную награду и попросил солгать, однако окружной магистрат Вэн узнал правду во время допроса.

— Зачем Чай Цзе убил барышню Вэй Чжу? – спросил Тан Фан. – Откуда столько ненависти к маленькой девочке?

— У Вэй Цэ родился сын. Чай Цзе с госпожой Чай были недовольны тем, что появился наследник такого большого состояния, и сговорились против Вэй Цэ, чтобы присвоить его богатства. По печальному стечению обстоятельств как раз в этот момент мимо проходила барышня Вэй Чжу. Эти двое испугались, что их раскроют, поэтому нанесли первый удар.

— Полагаю, – покачал головой Тан Фан, – все из-за того, что совесть у них была нечиста. Если бы барышня Вэй Чжу действительно их слышала, она бы давно все рассказала. И Вэй Цэ был бы в курсе.

— Верно-верно! Вы так мудры! Так все и было! Магистрат Вэн допросил Вэй Цэ и мать барышни Вэй Чжу. Та ничего им не рассказывала. Очевидно, что Чай Цзе с госпожой Чай облажались и выстрелили себе в ногу!

Это дело изначально было несложным. С таким большим количеством улик его завершение было лишь вопросом времени. Тан Фана волновало другое.

— А что насчет смерти младшего сына семьи Вэй? Есть успехи?

— После произошедшего Вэй Цэ воспылал ненавистью к кузенам Чай и теперь настаивает на том, что это они убили его сына, но те отказываются признаваться. Кажется, ничего не ясно!

— Я не думаю, что это они сделали, – проговорил Тан Фан. – У Вэй Цэ может появиться еще один сын. Нет смысла убивать их всех одного за другим. Они задумали избавиться от самого Вэй Цэ, так что убийство сына никак им в этом не помогло бы.

Цянь Сан-эр склонил голову набок:

— Они додумались до такой глупости, как убийство барышни Вэй Чжу. Так что причин желать смерти и маленькому Вэй могли иметь предостаточно.

— Твои слова разумны, – рассмеялся Тан Фан. – Я слишком узко мыслил!

Цянь Сан-эр был из тех, кому дай три цвета краски – целую мастерскую по окрашиванию откроет. Услышав слова Тан Фана, он расцвел:

— Ой, вы меня смущаете! Неужели я умнее господина Тана, самого мудрого человека в Поднебесной?

— Когда я успел стать самым мудрым в Поднебесной? По возвращении не говори никому, что знаешь меня. Я не хочу, чтобы меня побили.

Цянь Сан-эр приблизился к нему со слюнявой улыбкой на лице:

— Но ведь мы так близки! Весь округ Сяньхэ знает, что я ваш старый сердечный друг**. Не обманывайте самого себя!

Тан Фан не знал, смеяться ему или плакать:

— Смотрю, ты самый наглый человек в Поднебесной! Кто твой «старый сердечный друг», а? Ты опять неправильно употребляешь слова! Что за чушь собачья?!

— Ой-ой! Используйте слова! Не бейте меня! Благородные мужи должны решать дела словами, а не кулаками...

Послесловие автора:

Касательно последствий развода для женщин. Представьте сплетни, которые теперь распускают о разведенных женщинах. И умножьте на пятьдесят. Будет примерно то, как к ним относились во времена династии Мин.

Да что уж династия Мин! Расскажу вам о том, что происходило в первой половине двадцатого

века. В то время бабушка и дедушка моей подруги развелись, и она осталась одна с несколькими детьми. Соседи издевались над ней из-за того, что в ее семье нет мужчины, и даже повесили нестиранный пояс для менструаций у нее над воротами, чтобы унижить. Конечно, как нормальным людям, нам сложно представить, что за подобное можно дискриминировать. Это смешно и невежественно, но, по сути, патриархальное мышление до сих пор имеет место быть. Подобного рода дискриминация глубоко укоренилась в нас. Так, например, видя, что мужчина раскаивается в измене, многие считают, что «блудного сына» можно и простить, а вот когда женщина раскаивается в измене, ее считают поношенной обувью, которую больше нельзя надеть.

Примечания переводчика:

* - Как воды Цзинхэ и Вэйхэ (涇渭分明, Jīng wèi fēn míng – дословно: «воды Цзин и Вэй различаются»). Означает сильное различие. Воды одной реки мутные, а в другой чистые, так что устье реки Цзинхэ выглядит достаточно впечатляюще.

Для тех, кто запутался с разводами. В главе упоминаются 2 вида развода: 和离, Hé lí (развод по обоюдному согласию) и 休妻, Xiū qī (когда муж бросает свою жену, если та совершила один из семи проступков). 析产别居, Xī chǎn bié jū (раздел имущества и раздельное проживание), который был целью ТФ и ТЮ, разводом не считался. При нем муж и жена по-прежнему находятся в браке, просто живут раздельно. 别居, bié jū, кстати, и сейчас используется для обозначения пробного развода, не закреплённого юридически.

** - Цянь Сан-эр по ошибке назвал себя и Тан Фана «老相好» (Lǎo xiàng hǎo), что означает не столько «старый друг», сколько «старая любовь, бывший». Понятно, почему ТФ побил его ;D

А еще я выбесилась на МСШ настолько, что чуть не кинула перевод. Поэтому, дабы избежать триггеров, я больше не буду переводить ее послесловия. Только если они касаются интересных исторических фактов или чего-то вроде нынешнего.

Последние новости по переводу, контент по Сыщику в моей группе по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) – порауйте переводчика!

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2173677>